

Бортникова Татьяна Геннадиевна

ОТНОШЕНИЕ КО ВРЕМЕНИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматривается категория времени. Автор классифицирует модели понятия "время", связанные с его философским пониманием и сопряженные с человеком, его мышлением и культурной принадлежностью. Далее автор переходит к исследованию отношения ко времени в разных культурах по параметрам: время как этнокультурное понятие, время как ценность, использование времени в организации жизнедеятельности. Делается вывод о том, как ментальные особенности представителей разных культур влияют на логику их восприятия и отношения ко времени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/5/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(79) С. 27-32. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.2

Философские науки

В статье рассматривается категория времени. Автор классифицирует модели понятия «время», связанные с его философским пониманием и сопряженные с человеком, его мышлением и культурной принадлежностью. Далее автор переходит к исследованию отношения ко времени в разных культурах по параметрам: время как этнокультурное понятие, время как ценность, использование времени в организации жизнедеятельности. Делается вывод о том, как ментальные особенности представителей разных культур влияют на логику их восприятия и отношения ко времени.

Ключевые слова и фразы: категория «время»; культура; монохронные и полихронные культуры; отражение, восприятие времени; дискретное восприятие времени; менталитет; стереотипы сознания; отношение ко времени; ценности; планирование; пунктуальность.

Бортникова Татьяна Геннадиевна, д. культурологии, профессор
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
tatyana_bort@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ КО ВРЕМЕНИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Культурные различия проявляются как в разнообразии традиций, обычаев и ритуалов, ведении быта и традиционной организации пространства, так и в восприятии и оценке окружающего мира. Моделирование этнокультурной картины мира происходит в результате специфичного комбинирования культурно-значимых признаков, связанных с ценностными предпочтениями лингвокультурного сообщества, со стереотипами сознания и поведения. Одной из важных составляющих моделирования культурной картины мира выступает восприятие категории «время». Представления о времени находят свое отражение в представлениях любого лингвокультурного сообщества.

Целью данной статьи является исследование философских и ментальных истоков восприятия времени представителями разных культур.

Поэтому задачами исследования заявленной проблемы являются:

- классификация определений понятия «время»;
- рассмотрение отношения ко времени в разных культурах по моделям: время как этнокультурное понятие, время как ценность, использование времени в организации жизнедеятельности (планирование и пунктуальность).

Понятие «время» – базовое понятие философии и культуры, это подтверждается тем, что все в мире находится в состоянии движения и развития. Именно время как категория бытия выявляет сменяющиеся стадии количественных и качественных состояний движущегося и постоянно меняющегося мира. В то же время эти стадии могут иметь повторяющийся характер и длительность. Проблема времени и пространства обсуждалась еще в Древней Греции. Так, Платон определял его образ вечности, движущийся от числа к числу. Аристотель рассматривал вопрос о существовании времени как парадокс, ибо прошлого уже нет, будущего еще нет, а «теперь» – это не часть времени, а граница между прошлым и будущим. Значит, «время или совсем не существует, или едва [существует]» [2, с. 145]. Он также соотнес время и представление людей о времени, справедливо полагая, что следует различать время (как движение) и хранение времени (в памяти людей), и впервые доказал их неравнозначность. Следуя этой логике, Ньютон вывел дихотомию времени, разделив его на абсолютное (истинное) и относительное (кажущееся). Абсолютное время непостижимо, совершенно, оно не имеет направления, оно просто длительность, пребывание – это деятельность Бога. Относительное время в понимании Ньютона производится кем-либо или чем-либо, причем источник движения и продолжительности должен быть заключен в ком-то или в чем-то. Но относительное время не истинно, это «след времени, замеченный по разнообразным движениям астрономических тел» [1, с. 43]. Следовательно, относительное время сопоставляется с жизнью, с обыденным миром, так как оно заключается в нас самих, в нашем разуме.

Как известно, деление времени на абсолютное и относительное поддерживалось мыслителями в течение XVII-XIX веков в естествознании и натурфилософии, хотя существовала и позиция его рассмотрения как длительности процессов и меры всеобщего изменения тел (Лейбниц, Ломоносов, Дидро, Чернышевский). И. Кант считал время априорной формой чувственного созерцания, а экзистенциалисты рассматривали его как форму субъективного существования человека. Иными словами, чтобы познать мир, следует разделить время, осмыслить его и прочувствовать.

Обращаясь к проблеме времени, А. Эйнштейн доказал, что временные интервалы меняются при переходе от одной системы отсчета к другой. Таким образом, классическая модель времени была существенно изменена, так как выявила зависимость времени от скорости движения (чем выше скорость перемещения системы в пространстве, тем медленнее идет время по сравнению с другой системой, движущейся со своей скоростью). Вот почему современная философия определяет время как «атрибут, всеобщую форму бытия материи, выражающую длительность бытия и последовательность смены состояний материальных систем и процессов в мире» [10, с. 75]. Время не может существовать само по себе, вне материальных систем и процессов, точно так же и они не могут существовать вне времени. В рамках такого понимания появилось понятие

«биологического времени» живых организмов (В. И. Вернадский). В данной логике время «биологическое» выступает как жизнь, а время жизни – «длительность» – это время сознания, которое А. Бергсон назвал “*durée*” – «дление» [1]. Эта длительность – астрономическое время (время наших часов). Оно абсолютно.

Таким образом, в философских учениях о времени время выступает как проявление бытия с позиции прошлого, настоящего и будущего и отражает длительность и последовательность процессов и связано с постоянным изменением сущего.

Если же говорить о смысле времени, то здесь важно значение, приписываемое определенному моменту (вне зависимости от его продолжительности). Периоды времени неравнозначны, а их значимость определяется степенью реализации поставленных целей и задач. Все это составляет основу для рассмотрения проблемы связи времени и культуры. Время переплетено со всеми сферами бытия и духовной культуры: философией и мифологией, теологией, искусством и литературой, наукой, языком и обыденным сознанием.

Итак, в сознании человека существует две модели времени. Первая связана с соотношением пространства и времени, и она абсолютна; вторая модель сопряжена с человеком, его мышлением, а следовательно, неразрывно связана с понятием «культура». В связи с этим в культурологии выходит на первый план такой аспект модели мира, как «время культуры», который можно охарактеризовать как длительность «существования, ритма, темпа, последовательности, координации смены состояний культуры в целом и ее элементов, а также их смысловой наполненности для человека» [6, с. 317]. А межкультурная коммуникация рассматривает феномен времени, прежде всего, через отношение к нему представителей разных культур. Вот почему когда мы говорим о том, что смыслы и значения понятия «время» существенно отличаются в разных культурах, то имеется в виду, что с точки зрения восприятия это означает, что представители разных культур описывают временное состояние по-разному и, соответственно, по-разному относятся к расположению событий во времени, правилам его использования и влиянию времени на события, поступки.

Время как этнокультурное понятие. Каждая культура имеет свое собственное понимание времени, которое необходимо знать, чтобы успешно в рамках этой культуры общаться. Более того, отношение ко времени определяет темп жизненного уклада, который, в свою очередь, влияет на особенности протекания коммуникации людей в определенной культуре.

Иными словами, речь идет не о времени как таковом, а об отражении объективной длительности, скорости и последовательности явлений действительности. И если рассматривать отношение ко времени как априорную форму нашего мышления, которое посредством ее интерпретирует мир, то позиции каждой отдельной личности во многом определяются ее социокультурным окружением. Межкультурные различия в подходах к осмыслению категории времени очень показательны. Например, представители большей части европейских культур привыкли осознавать себя движущимися по шкале времени из прошлого в будущее, тогда как греки воспринимают себя стационарно, а время может догонять или обгонять их. На Мадагаскаре время подходит к нам сзади.

Отношение ко времени на Востоке часто подразделяют на два типа: 1) время понимается как хронологический процесс, в котором существуют важные даты и события; 2) восприятие времени связано с постоянным обновлением и различием между прошлым и будущим и отражает поступление информационного сигнала. Последний может быть проиллюстрирован следующим высказыванием относительно восприятия времени и его соотносительности с жизнью человека. «Жизнь представляет собой последовательную цепь моментов. Высшее искусство и предназначение человека схватить и пережить каждый отдельный момент. Если он в состоянии это сделать, то можно сказать, что такому человеку в жизни больше не к чему стремиться и нечего желать» [Цит. по: 8, с. 201].

Такое дискретное восприятие времени возможно при условии, что внимание сосредоточено не на самом отрезке времени, а на его наполнении. Отсюда, любой момент времени в такой системе восприятия «ощущается как свежий, новый микровзрыв, содержащий всю траекторию кривой развития хронологического процесса в своей миниатюрной модели и затем сменяющийся новым взрывом» [Там же, с. 202]. При таком подходе в определенный исторический отрезок реализуется какая-то задача, которая не только позволяет культуре подойти к следующему этапу своего развития изменившейся и обновленной.

В лексике китайского языка также можно найти представление и о цикличности, и о линейности восприятия времени. Согласно анализу китайской языковой картины мира Тань Аошунан, в китайском языке существуют два слова, обозначающие неделю: *xīngqī* и *zhōu*. «Оба обозначения недели отражают цикличность времени: *xīngqī* дословно значит “звездный цикл”, а *zhōu* означает “замкнутый круг”» [9, с. 37].

Одновременно в китайской лексике существуют понятия о том, что:

- говорящий может активно перемещаться во времени в направлении прошлого, как бы обернувшись к нему лицом;

- он может обернуться лицом к будущему, но тогда он будет пассивно созерцать движение времени навстречу ему. Так, слово *qíběn* означает *спереди, перед*, а также *прошлое, а hūi* – *сзади, после*, а также *будущее*; *wáilǚ* переводится как *будущее, приходящее*, а *gùtāng* – как *прошлое, прошедшее мимо*. «Например, те, кто родился раньше говорящего, это “впереди идущие”, его предшественники *qian ren*, а те, кто родился позже говорящего, это “следующие за ним”, его потомки *hou ren*. <...> Наблюдатель или говорящий как бы повернут лицом в прошлое; делая шаг по этому пути, он удлиняет историю еще на одно поколение. Тем самым он уступает место поколению, следующему за ним. Человек мыслится как активное начало,двигающееся навстречу истории. <...> Что же касается линейно-исторической точки зрения на время, то она значительно чаще находит свое выражение в паре понятий *lai* “приходящее” и *qu* “уходящее”. Здесь мы имеем

дело со случаем, когда человек повернут лицом к будущему: сочетание *wei lai* “будущее” – это, буквально, “еще не пришедшее”. <...> В этой модели человек является пассивным элементом. Будущее приходит к нему, минуя “сейчас”, и уходит в прошлое» [Там же, с. 38-39].

Феномен «время» различается как «по горизонтали» (в разных одновременных культурах), так и «по вертикали». Так, А. Я. Гуревич, исследуя проблему восприятия времени у древних скандинавов и его отображения в сагах, отмечает, что время для них не течет линейно и без перерывов, а представляет собой цепь человеческих поколений. Дело в том, что время ощущается и переживается этими людьми еще в значительной мере циклично, как повторение. Время – это течение жизни людей, что закрепляется даже в практике заключения договоров, которые «сохраняют силу, пока они живы». Такое понимание времени приводило их к выводу, что сакральными ритуалами можно воздействовать на время, ибо оно качественно неоднородно. Древние скандинавы полагали, что прошлое хотя и ушло, но когда-то вернется, а будущее уже где-то таится (вот почему оно доступно провидцам). Время воспринималось подобно пространству: удаленное во времени (прошлое или будущее) является также реальным, как и удаленное в пространстве [5, с. 79-80].

Сложность понимания категории времени в разных культурах связана еще и с тем, что человек в своей жизни оперирует ею постоянно, он имманентно погружен в пространственно-временной поток собственного сознания с присущей ему культурной картиной мира.

Но даже в пределах одной культуры оценка времени субъективна и зависит от представлений и эмоций, которые мы испытываем в определенный его промежуток. Если количество событий и переживаний незначительно, нам кажется, что время идет медленно. Оно тянется, когда мы ждем кого-то или чего-то, не знаем, чем заняться. Если же мы получаем много впечатлений или выполняем много дел, то нам кажется, что время проходит очень быстро.

Иначе оценивается время при воспоминаниях. Периоды, насыщенные впечатлениями, теперь становятся продолжительными, а время, проведенное однообразно, не представляется нам значительным и основательно сжимается в нашем представлении. Но такой субъективный подход к восприятию времени важнее для человека, чем абстрактное и отчужденное его осмысление. Поэтому время может лететь, тянуться и даже останавливаться.

И хотя время – категория универсальная, наше представление о нем связано с совершенно разными толкованиями о его происхождении и сущности в рамках разных культур. Вот почему общение и взаимопонимание людей так значительно зависит от того, как та или иная культура относится ко времени и как ее носители отображают свое восприятие в речи. Это отношение и отображающие его языковые средства настолько сильно меняются от культуры к культуре, что иногда могут являться причиной недоразумений.

Так, по мнению Л. Виссон, люди часто «расходятся даже в семантике такого простого выражения, как *just a minute*. Хотя и в русском языке, и в английском “минута” – это единица времени, состоящая из 60 секунд, по своему значению и употреблению *just a minute* не совпадает с аналогичной русской фразой “одну минутку”» [3, с. 119].

Ответ на вопрос, как объяснить такие несовпадения, был дан американским исследователем Э. Холлом, выдвинувшим идею о монохронных и полихронных культурах. Он подчеркивал важность понимания временных различий в разных лингвокультурных сообществах. Согласно его концепции монохронное использование времени означает, что действия осуществляются последовательно в течение определенного времени. Поэтому и представление о времени можно представить как прямолинейный путь из прошлого в будущее. Представители монохронных культур разделяют время на отрезки, тщательно планируют. Для них время – это ценность, соотносимая с вещественной стоимостью. Поэтому его можно потратить, сэкономить, потерять, наверстать, ускорить. Именно оно способствует установке и поддержанию порядка в организации жизни. А так как представитель такой культуры занимается одним видом деятельности в определенный период времени, он вольно или невольно, сосредотачиваясь на поставленной задаче, отгораживается от окружения для полного погружения в дело. Носители этого типа культуры не любят отвлекаться от поставленной задачи. Такой подход к использованию времени присущ культурам Германии, США и ряда североевропейских стран [11].

Полихронное восприятие времени полностью противоположно монохронному. В мире полихронных культур многое происходит одновременно, так как полихронное время – это не однолинейный путь, а как переплетение многих задач и проблем. Естественно, что в этих культурах время не столь ощутимо. И в этом переплетении на первый план выходят межличностные, человеческие отношения, а общение воспринимается более важным, чем ранее обдуманый и принятый план. Отсюда и большая динамичность в отношении ко времени. Распорядок дня, конечно, существует, но следованию ему не придается большого значения. К типичным полихронным культурам относятся культуры стран Латинской Америки, Ближнего Востока, Средиземноморья и России.

Время как ценность. Как известно, в качестве ценности может выступать любой «объект» (в том числе и идеальный), обладающий жизненно важным значением для отдельного человека (группы, этноса). Ценности, как духовные идеи, заключены в понятия и обладают высокой степенью обобщения. Ценности представляют собой смысловые образования, поэтому личностный смысл события или явления обусловлен ценностными отношениями к этому событию или явлению. Таким образом, феномен «время» оказываются неразрывно связанным в сознании человека с ценностно-смысловой составляющей его жизни. Здесь речь идет о когнитивном компоненте, включающем в себя как значение времени для общества, так и смысл как «значение для себя»; об эмоциональном компоненте (переживании ценностного состояния, дления своей жизни и ее отдельных моментов); поведенческом компоненте, представленном реализацией принятой человеком ценности (использование времени) в поведении и деятельности. Формируясь в сознании, эти ценности постигаются в ходе освоения культуры.

Вот почему ценность времени существует у всех культур. Ценность времени связана и с сакральным представлением о жизни, где жизнь человека строится на дихотомии земного и вечного. Так, например, в представлениях людей эпохи Возрождения время считали подарком Бога, отсюда растрачивать его считалось грехом, ибо человек в ответе не только за плохие поступки, но и за упущенные возможности благих дел из-за бесцельного растрачивания времени. Следует подчеркнуть, что интерес ко времени как к ценности сопряжен с проблемой смысла человеческой жизни. Смысл времени и является как раз тем значением, которое люди приписывают определенному отрезку времени. Но хотя разные моменты времени неравнозначны и неоднородны, они всегда ценны.

Динамичность постоянно ускользающего времени, отраженная в непрерывном движении его потока, устремленного в бесконечность, и стимулирует желание человека сохранить каждый его момент. Ценностная составляющая времени выражена наличием норм поведения, связанных с отношением ко времени как ценности, и связана с ментальностью, которая выступает как совокупность культурных особенностей народа и проявляется в мировосприятии и поведении. Ментальность, представляя собой сложный феномен, включает и ценностную составляющую. При этом попытка понять иной склад мышления всегда требует напряжения и готовности столкнуться с непривычными на первый взгляд установками. Так, например, обозначения времени суток (утро, день, вечер, ночь) не совпадают в представлении носителей разных лингвокультур. Для говорящих на немецком, французском, английском языках утром является часть суток от полуночи до полудня; для носителей русского языка утро – время, следующее за полуночью, – это ночь (ср.: час ночи, два часа ночи, но не час утра, два часа утра). Это связано с тем, что обозначение времени суток определяется деятельностью, которая его наполняет. Утро начинает дневную деятельность, день ее продолжает, вечер оканчивает деятельность, ночь – это перерыв в деятельности. Тем не менее отношение ко времени как ценности присуще всем лингвокультурным сообществам.

Отражение этих норм можно найти в любых текстах любых культур. Сравним пословицы, в которых зафиксирована важность бережного отношения ко времени. Несмотря на то, что русская и английская культуры относятся к разным типам, время как ценность для них непреложно.

Всему свое время.

Лучше поздно, чем никогда.

Время творит чудеса.

Куй железо, пока горячо (Не упускай момента).

All in good time.

Better late than never.

Time works wonders.

There is no time like present.

Но представление о времени как о ценности не может быть доказано только высказываниями о простой констатации факта его значимости. Время может быть репрезентировано и в качестве организации жизни человека. Вовлеченный в круговорот жизни, человек подтверждает свое отношение к ценности времени через ее (жизни) организацию, через планирование своей деятельности и иерархии запланированных событий.

Использование времени в организации жизнедеятельности (планирование и пунктуальность). Отношение ко времени людей в монохронных и полихронных культурах сильно различается. Так, в Америке существует так называемая концепция точного времени (concept of time). У русских время – это понятие растяжимое (fluid) [2, с. 119]. Действительно, носители монохронных культур обозначают время в точных часах. Для них минута – это именно 60 секунд. Иными словами, предложение *I'll be with you in a minute* означает, что говорящий появится через 1-2 минуты, не больше. Для представителя полихронной культуры «минутка» может растянуться на 10-15 минут или даже больше. А вот русское «сейчас» может длиться от 1-2 минут до получаса. В этой связи Р. Гестеланд также говорит о культурах с жестким (rigid-time) или текучим (fluid-time) восприятием времени [4].

Для представителей монохронных культур время – это ценный и дефицитный товар. Время несется стремительно, а чтобы не упустить – его распределить, и пусть оно работает на нас. Так американцы представляют себе правильное отношение ко времени. Время представляется им длинной дорогой, по которой движутся люди. Вот почему те, кто движется интенсивно, успешно продвигаются вперед во всем: в карьере, бизнесе и т.д., а значит, время следует экономить, наверстывать, ускорять. Иными словами, время нужно и можно охватить, ибо оно – некая система, в рамках которой поддерживается правильный порядок в организации человеческой жизни.

Разница между монохронным и полихронным отношением ко времени создает для представителей этих культур настоящую массу проблем. Так, в США нет обыкновения «созваниваться» за день или несколько часов для подтверждения назначенной встречи. Отсутствует и точный эквивалент к глаголу «созвониться». Американцу неясно, почему нельзя назначить встречу заранее и кто кому должен позвонить. Конечно, можно употребить фразу: *we'll call each other* или более приемлемую *we'll be in touch*. Но такой способ договориться заставит американца задуматься о том, уверены ли Вы в том, что действительно хотите прийти. Поэтому для представителей монохронных культур необходимо объяснение причины Вашей неуверенности (*I'll call you the day before / just in case anything / unexpected comes up*).

В то же время необходимо отметить, что разное отношение к пунктуальности существует и в близких культурах. Так, ирландская культура, несмотря на многие близкие черты с английской, менее склонна к пунктуальности. В Ирландии существует так называемое *Irish time* (ирландское время), которое означает приближенность, например, допустимость опоздания. Такое время обозначается путем добавления суффикса *-ish*. Так, вместо *at eight* употребляется *at eight-ish*, *at nine* (at nine-ish, at ten – at ten-ish). Договариваясь здесь о встрече, следует уточнить, какое время имеется в виду: английское или ирландское. Представитель

монохронной культуры сосредоточивается на поставленной задаче, решает ее и переходит к следующей. Он серьезно относится к намеченным срокам и не придает особого значения кратковременным отношениям с людьми, с которыми заключил одноразовую сделку.

Для представителей полихронных культур (жители южных стран Европы, русские, латиноамериканцы и др.) само время – непреходящая ценность, но планирование не имеет такого значения, ибо чем больше они делают одновременно (даже если возникли какие-то незапланированные дела), тем счастливее себя чувствуют. Культуры этого типа разделяют представление об «эластичности» времени, и оно для них действительно становится таким, позволяя одновременно выполнить несколько разноплановых задач, а потому и не ставят во главу угла пунктуальность или расписание. Они, конечно, помнят о таких мелочах, как планирование, но считают, что реальность важнее планов. Для них время зависит от того, **как** и **с кем** его проводишь: не важно, что говорят часы, важнее значимость самого дела и межличностное взаимодействие, так как они – наилучшие формы инвестирования времени.

«Почему Вы так раздражены тем, что я пришел в 9.30?» – спрашивает он (*итальянец – Т. Б.*) немецкого коллегу. «Потому что по моему расписанию эта встреча должна была начаться в 9.00», – возмущается тот. «Так почему бы Вам не написать сейчас в плане дня 9.30, тогда мы оба будем довольны?» – отвечает в подобных случаях итальянец. Важность нашего бизнеса и тесных отношений, которые нас связывают, делает безразличным время нашей встречи. Сама **встреча** – вот что имеет значение» [7, с. 89].

Несмотря на разницу в планировании времени, и те и другие уверены, что управляют своим временем наилучшим образом.

Другое дело – планирование и пунктуальность у восточных культур. Главное отличие состоит в том, что в восточных культурах человек не распоряжается временем, а приспосабливается к нему, ведь время циклично и для всякого дела – свое время. Одновременно люди Востока нацелены на отношения. Рассматривая ход времени как неспешный и повторяющийся, они стараются не принимать решения быстро. Важно учесть и события прошлого, и перспективы будущего. Цикличность времени подсказывает, что схожие возможности и проблемы возникают снова и снова, люди же становятся все мудрее. Вот почему они не спешат брать за решение проблемы, обдумывая ее несколько дней или даже месяцев. Размышления и сама жизнь приводят к пониманию того, какой именно из поставленных задач стоит заняться и как.

Китайцы очень пунктуальны, они планируют свои дела, а завершают встречу словами благодарности ее участникам за то, что они потратили свое время. Характерная для японцев тщательность и твердость, с которой они делят время на части, описана Джой Хендри (*Joy Hendry*) в ее книге «Обволакивающая культура». Автор обращает наше внимание на то, что японская сегментация времени осуществляется не по модели монохронных культур, где задачи выстраиваются в логической последовательности, для обеспечения максимальной эффективности. Для японцев важно не количество времени, потраченное на какое-то иное дело, а то, как время распределено согласно правилам вежливости и традициям. Для них любое мероприятие (будь то свадьба, юбилей или просто родительское собрание в школе) имеет свои фазы и уровни напряжения.

Вот почему при планировании времени встреч и дат выполнения договоров с представителями другой культуры важно осознавать, к какому типу культуры принадлежат ваши партнеры.

В результате вышеизложенного можно сделать вывод о том, что для осмысления путей взаимопонимания представителей разных культур необходимо анализировать природу укоренившихся философских, религиозных и даже политических убеждений. Одним из типов столкновения представителей разных культур является псевдоконфликт непонимания в отношении ко времени. Одни воспринимают непунктуальность представителей полихронных культур как необязательность и отсутствие планирования, другим претит педантизм монохронных культур. Такое непонимание исходит от приверженности к стереотипам. Конечно, мы не можем жить без стереотипов, так как они служат для нас своеобразной «точкой отсчета» при определении своего отношения к дихотомии «свой» – «чужой». Но для достижения понимания между различными культурами мы должны научиться управлять этими стереотипами. Важно понимать, что любая ментальность – это сложный феномен, включающий представления, понятия, образы, ценности, стереотипы поведения, знания о мире и человеческих отношениях. Конечно, сталкиваясь с иным представлением о времени, мы можем переживать определенного рода кризис. Но осмысление этнокультурных различий позволяет увидеть их истоки, систематизировать логику восприятия мира и его временного развития, зафиксированную в поведенческих стереотипах. В свою очередь, понимание моделей восприятия и отношения ко времени представителей других культур способствует устранению противоречий в процессе построения конструктивных моделей межкультурных коммуникаций.

В качестве универсальной категории время выступает не только как движение жизни, но и как многоуровневый смысл, в котором просматриваются история и преемственность духовных ценностей. Время в этом случае переходит от своего абсолюта к трансляции культуры, истории и духовного опыта своего народа. Увидеть глубинные основания отношения ко времени можно, прежде всего, в этнокультурных картинах мира каждого народа.

Список источников

1. Аксенов Г. П. Причина времени. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 304 с.
2. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1976-1983. Т. 3. С. 61-221.
3. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М.: Р. Валент, 2005. 192 с.
4. Гестеланд Р. Р. Кросс-культурное поведение в бизнесе. Маркетинговые исследования, ведение переговоров, менеджмент в различных культурах. Днепрпетровск: Баланс-Клуб, 2003. 189 с.

5. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвного большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
6. Культурология. XX век: словарь. СПб.: Университетская книга, 1999. 640 с.
7. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 2001. 448 с.
8. Прохорова Н. В. Об ощущении китайцами ритма времени // Культурология. 2014. № 2 (69). С. 200-206.
9. Тянь Аошун. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
10. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. Изд-е 6-е, перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 560 с.
11. Hall E. T. Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. N. Y.: Intercultural Press, 1990. 242 p.

ATTITUDE TO TIME AS ETHNIC CONSCIOUSNESS REFLECTION

Bortnikova Tat'yana Gennadievna, Doctor in Culturology, Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
tatyana_bort@mail.ru

The article examines the category of time. The author classifies the models of the "time" concept related to its philosophical understanding and associated with a man, his mindset and cultural identity. Then the researcher passes on to the study of attitude towards time in different cultures according to the following parameters: time as an ethno-cultural concept, time as a value, time use in life activity organization. The conclusion is made about how mental features of different cultures representatives affect the logic of their perception and attitude to time.

Key words and phrases: "time" category; culture; monochronic and polychronic cultures; reflection, perception of time; discrete perception of time; mentality; stereotypes of consciousness; attitude to time; values; planning; punctuality.

УДК 791.43.03

Искусствоведение

В статье рассматриваются художественные особенности фильмов, снятых по ранним сценариям Фрица Ланга другими режиссёрами. Авторы устанавливают образную и идейную близость этих картин классическим работам Ланга. Анализируется эволюция творческих приёмов, к которым прибегает кинематографист в первые годы работы. Исследуется связь между образами Смерти и Чумы в фильмах по сценариям Ланга и представлениями о Смерти в немецкой культуре.

Ключевые слова и фразы: киноискусство; история художественно-игрового кино; экспрессионизм; образ Смерти; Фриц Ланг.

Булавкин Клим Валерьевич, к. филол. н.

Роман Сергей Николаевич, к. филол. н.

Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево
berbertolu44i@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА РЕЖИССЕРА ФРИЦА ЛАНГА ПРИ СОЗДАНИИ СЦЕНАРИЕВ ФИЛЬМОВ «ХИЛЬДА УОРРЕН И СМЕРТЬ» (1917) И «ЧУМА ВО ФЛОРЕНЦИИ» (1919)

При изучении творческого наследия режиссёра Фрица Ланга исследователь сталкивается со следующей проблемой: с 1916 по 1919 гг. было снято полтора десятка фильмов по сценариям классика немецкого кинематографа, однако до наших дней дошло около трети этих проектов. В большинстве случаев интертитры здесь не являются оригинальными немецкими, а оказываются или переводом с испанского языка, или всего лишь современным текстом, позволяющим зрителю ориентироваться в происходящем на экране и не претендующим на аутентичность. Следовательно, любые предположения, связанные с вкладом Ланга в создание этих фильмов, носят гипотетический характер, однако необходимы для формирования целостного представления о характере эволюции художественной манеры автора в первые годы творчества. В нашей статье осуществляется попытка изучить в этом отношении киноленты «Хильда Уоррен и Смерть» (1917, режиссёр Джо Мэй) и «Чума во Флоренции» (1919, режиссер Отто Рипперт).

В самом первом кадре фильма «Хильда Уоррен и Смерть» перед зрителем появляются режиссёр Джо Мэй и его немецкая овчарка, причем собака активно интересуется сценарием в руках хозяина и пытается, согласно английским и русским титрам, внести в него последние правки. Подобные образы наглядно демонстрируют отношение создателей картины к своему творению: режиссер, кинокарьера которого началась шесть лет назад, работает над своим тридцатым фильмом. Автор детективного сериала про Стюарта Вебба снимает очередную криминальную картину с элементами мелодрамы и мистики, причем и для оператора Курта Куранта, и для сценариста Фрица Ланга это всего лишь второй фильм, в создании которого они участвуют. Заметим, впрочем, что даже в последние годы жизни, уйдя из кинематографа, Ланг не стеснялся высказывать симпатию к развлекательным фильмам, размышляя о зрителе следующим образом: «Если он получает что-то, что его развлекает, и в этом есть что-то еще, что заставляет его задуматься о каких-то не очень правильных социальных вещах, он может поговорить об этом, скажем, со своей женой, так ведь?» [2]. Начинающему сценаристу интересно обращаться